

Литературные известия

№ 15 (45)

Июнь
2010

Газета Союза литераторов России и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Выходит с 2008 года 4 раза в месяц (по четвергам)

Сегодня
в номере:

*

Эксклюзивное интервью

Евгения Евтушенко

*

Юбилей

Виктора Клыкова

*

Поэзия

Союза литераторов
России

ЮБИЛЕЙ

ЮБИЛЕЙ ИОСИФА БРОДСКОГО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

непростую судьбу молодого поэта, только еще начинающего свой творческий путь. Ведь всего лишь за год до этого знакомства Иосиф Бродский впервые принял участие в крупном публичном выступлении на «турнире поэтов» в ленинградском Дворце культуры им. Горького, где кроме него выступали А. С. Кушнер, Г. Я. Горбовский, В. А. Соснора.

В 1972 году поэт был вынужден эмигрировать в США, возможно, рассчитывая на то, что «как будто жизнь начнется снова, / как будто будут свет и слава», однако он надеялся и на то, что связь его с родиной не прекратится и он будет публиковаться здесь, о чем просил в письме Л. Брежневу. Литературная жизнь Бродского сложилась весьма удачно за границей, во многом благодаря личности самого поэта. Как писал один из исследователей его творчества, «гений — это не много таланта, и даже не высшая степень таланта, а большой талант и ум в их удавшемся взаимодействии». Только при жизни Бродский увидел выход в свет более 10 своих книг. Небольшое количество русскоязычного общения, в какой-то степени, компенсировалось широким международным признанием. Однако на почве страсти к курению у него развилось сердечное заболевание, от которого он и умер в возрасте всего лишь 55 лет! Прах поэта захоронен, согласно его завещанию, в Венеции.

Организаторами различных юбилейных мероприятий в Санкт-Петербурге стали Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Музей театрального и музыкального искусства, Литературный журнал «Звезда», Институт культурных программ, Фонд имени Дмитрия Сергеевича Лихачева при поддержке Комитета по культуре и Комитета по печати Санкт-Петербурга и Российского гуманитарного научного фонда, Государственный литературный музей «XX век», некоммерческий ежегодный художественный фестиваль «Полторы комнаты Бродского»,

Межрайонная централизованная библиотека им. М. Ю. Лермонтова. В нашем городе прошли вечер «Я всегда твердил, что судьба — игра...» в Санкт-Петербургском Доме Книги, Международные юбилейные литературные чтения, Круглый стол «Иосиф Бродский и Россия» в Музее А. Ахматовой. Состоялись презентации новых книг, посвященных поэту: двухтомник «Иосиф Бродский глазами современников», «Иосиф Бродский. Литературная биография», «Венеция Иосифа Бродского», «Иосиф Бродский в Литве», «Иосиф Бродский в Швеции», «Солженицын и Бродский как соседи» и др. В рамках Международного книжного салона в Ленэкспо творчеству Иосифа Бродского была посвящена отдельная экспозиция. В «Ночь музеев» в саду Фонтанного дома была организована театрализованная видеинсталляция «Бывает ночь длиннее дня». В течение нескольких месяцев на различных площадках города шла программа «Иосиф Бродский — последний поэт империи».

Одни из самых заметных мероприятий организовал в День рождения поэта Музей А. Ахматовой. В самом музее открылась к юбилею видеинсталляция «Следы на снегу / Sledy na vode» художницы из Венеции Кати Марголис. Поэтесса Ирина Машинская во время своего творческого вечера, который состоялся в большом выставочном зале музея 21 мая и был посвящен выходу в свет ее новой книги «Волк», также, среди прочего, читала стихи, посвященные Иосифу Бродскому. Жаль, что невозможно в рамках одной статьи рассказать о выставке Кати Марголис и вечере Ирины Машинской подробнее, хотя оба этих события заслуживают отдельного рассказа. А поздним светлым северным вечером в Фонтанном доме была организована программа, которая включила в себя открытие новой экспозиции «Американский кабинет Иосифа Бродского», видеинсталляции,

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Друзья!

Ни о чем нет сил говорить и писать.

1 июня скончался Андрей Вознесенский (1933 — 2010). Трагический день.

Один из ближайших номеров мы посвятим этому крупнейшему поэту эпохи.

1 июня на радио «Благовещенье» была записана передача, посвященная поэту и публицисту Михаилу Поздняеву. В передаче, которую вел Евгений Данилов, принял участие Евгений Степанов.

Оставайтесь с нами!

Фёдор МАЛЬЦЕВ

показы документальных фильмов, выступления современных поэтов, спектакль «Память бродит по комнатам». Как будто сбылось пророчество великого поэта XX века:

«...и летящая ночь
эту бедную жизнь обречит
с красотой твоей
и с посмертной
моей правотой».

Думается, что празднование юбилея И. Бродского прошло в нашем городе на весьма достойном уровне. И, может быть, не так часто отныне будут вызывать слезы непонятной вины у нас, его современников, строки поэта, как укор всем нам: «И увижу две жизни / далеко за рекой, / к равнодушной отчизне / прижимаясь щекой». Помним, сожалеем, гордимся...

Ольга ДЕНИСОВА

то, что, не закончив соответствующего института, он «посмел» заниматься литературной деятельностью вместо того, чтобы трудиться рабочим, здесь он был осужден и выслан в Архангельскую область с условием обязательной физической работы. Именно в ссылке он, подобно А. С. Пушкину в Михайловском, создал, по мнению многих, самые значительные свои доэмигрантские произведения. Досрочному его освобождению способствовали своим заступничеством А. А. Ахматова, С. Я. Маршак, Д. Д. Шостакович. Но ни один журнал или издательство не смели его публиковать. Ныне Иосиф Бродский является почетным гражданином Санкт-Петербурга, как, впрочем, и другого города — Флоренции, жители которого в свое время выгнали из своих стен великого Данте. Насмешливые улыбки человеческой истории...

24 мая 2010 года исполнилось 70 лет выдающемуся русскому поэту, эссеисту, драматургу, переводчику, лауреату Нобелевской премии по литературе 1987 года, присужденной ему «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины» — Иосифу Александровичу Бродскому. Не удивительно, что в Санкт-Петербурге в течение года прошло большое количество различных мероприятий, посвященных этой дате, ведь практически вся жизнь поэта периода до эмиграции в США связана с Ленинградом. Здесь он родился и учился, семья имела «полторы комнаты» в Доме Мурузи на Литейном проспекте (сейчас на доме есть мемориальная доска, хотя разговоры о создании музея еще пока только ведутся). В ранней молодости он писал о Ленинграде: «Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...» Любимому городу он посвящал свои стихи: «Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река / высывалась бы из-под моста, как из рукава — рука, / и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы, / как Шопен, никому не показывавший кулака». «Гражданин мира» Иосиф Бродский напишет в одном из своих стихотворений: «Ни страны, ни погоды не хочу выбирать. / На Васильевский остров я приду умирать».

И именно в нашем городе Бродского объявили «тунеядцем» за

В ПЕТЕРБУРГЕ ПОЯВИТСЯ МУЗЕЙ ИОСИФА БРОДСКОГО

Власти Петербурга намерены создать в северной столице музей Иосифа Бродского, которому 24 мая исполнилось бы 70 лет, сообщает во вторник пресс-служба администрации города.

Решение о создании музея озвучила на заседании городского правительства губернатор Петербурга Валентина Матвиенко.

«Музей будет расположен в квартире в доме на Литейном, 24 (Дом Мурузи),

где жил поэт. Часть комнат в коммунальной квартире уже расселена. Губернатор дала поручение КУГИ, Комитету по культуре, Жилищному комитету продолжить расселение квартиры, чтобы создать музей», — сказано в сообщении.

Бродский, выдающийся русский поэт, эссеист, драматург и переводчик, родился 24 мая 1940 года в Ленинграде. В СССР он долго оставался «поэтом самиздата». 29 ноября

1963 года в газете «Вечерний Ленинград» было опубликовано письмо против Бродского «Окололитературный трудень», в следующем году он был арестован и помещен в судебную психбольницу. Суд признал его виновным в тунеядстве. Бродский отбыл ссылку — полтора года в Архангельской области.

В это время в Нью-Йорке вышла его первая книга — «Стихотворения и поэмы». В 1972 году поэт эмигрировал из

СССР в США, где до конца своих дней преподавал русскую литературу в различных университетах.

В 1987 году он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе — «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины», как было сказано в официальном постановлении Нобелевского комитета.

**(По материалам
РИА «Новости»)**

ИНТЕРВЬЮ

«К ВАМ ПРИШЕЛ СЕРЬЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

БЕСЕДА С ПОЭТОМ
ЕВГЕНИЕМ ЕВТУШЕНКО

Его явление у пермского Дома печати воспринималось как явление коромысла радуги после грозы. Помните: «Люблю грозу в начале мая...»? Тут – в точку. На дворе действительно набирал силу май. Однако в природе еще не прозвучал Тютчев, а Еvtушенко уже воссиял над городом. Высокий, в разлинованном цветными полосами пиджаке, в чернильно-фиолетовом галстуке, чуть прихрамывающий, а посему опирающийся на деревянную трость – светлого дерева, резную, покрытую лаком. Так и должен выглядеть любимец муз. Поэта сопровождал самокатящийся чемодан.

– Цирк приехал! – воскликнули оказавшиеся рядом дети. – Сейчас будут показывать фокусы...

Камеры слежения остановились на этой картинке и больше не хотели показывать никакую другую. Девушки самой крупной местной газеты «Звезда» замерли в лифте, будто комок в горле. Днем ранее гость Перми Великой покорила город Кунгур и был полон воспоминаний:

– Какие чистые и целомудренные в каком-то давнишнем смысле лица!

Последний романтик развалившейся Империи. Материализовавшаяся строка Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»

Беседа с ним иногда напоминала игру в пинг-понг. Вопрос-ответ, вопрос-ответ. Нередко в одно-два предложения. Гость сразу расставил точки над «i»: мол, никаких вам фокусов, все будет по-взрослому. Брутальная половина редакции иногда не могла даже завершить своих вопросов. С пронизательным взглядом Вольфа Мессинга, не дослушав, Е. Е. начинал отвечать. Не оттого ли прекрасная половина «Звезды» буквально потеряла дар речи и только шелестела в перешептываниях, будто гость обратил присутствующих женщин в листву по праву ворвавшегося ветра, заменившего кондиционер. Подкупил

всех молодежкой хулиганкой. Теми же пиджаком и галстуком. Поэтому первый вопрос был, хоть и неприязнтелен, но закономерен.

– Евгений Александрович, вы стилигой были? Судя по всему, вы и нынче, как стилига у нас?

– Какие краски я видел в детстве? Хаки, черные спецовки лагерников вокруг станции Зима. Ничего яркого. Поэтому сегодня компенсирую этот недостаток и одеваюсь так, как мне нравится. Это мое право. Что касается стилига, то они закончились в 1955-м году, когда их разгромили полностью и окончательно. И потом, чтоб вы знали: стилигой быть очень дорого. Так одевались только дети академиков.

– Но в советское время вы все-таки печатались и жили...

– ... – лучше вас?

– ...потому что гонорары, наверное, были?

– А вам что – завидно?

– А сейчас строчки деньги вам приносят? Есть на что жить?

– А вы что – налоговый инспектор? (Ударяет кулаком по столу.) К вам пришел серьезный человек, профессиональный писатель! А вы – богатый он или не богатый?

– Да, мы помним: к нам пришел «больше, чем поэт». И хочется поговорить о серьезных вещах. Вы уже долгое время преподаете в США. Есть такой американский поэт, уехавший из России – Бродский. Какими были ваши с ним взаимоотношения?

– Очень плохими. Вы, очевидно, не знаете, одной простой вещи: он был освобожден из своей ссылки по моему ходатайству и ничему другому. А это «не забывается». Ну и Бог с ним. Я же включил его стихи в свою антологию «Строфы века». Он поэт, заслуживающий внимания. Что касается нас обоих, то это наши личные отношения. Но он не сделал гораздо большего: если вы раскроете его сочинения, там не найдете даже упоминания о том, что ему помог и другой человек – журналистка Фрида Вигдорова, которая, рискуя лишиться своей профессии, записала стенограмму суда, сделавшего Бродского всемирно известным. Когда уже Фрида умерла, писатель Анатолий Рыбаков спросил Иосифа: «Ты почему ни словом не обмолвился о ней?» Бродский ответил: «А почему я должен об этом говорить? Она выполняла свой журналистский долг». Я бы так никогда не смог сказать.

– Вы не испытываете сожаления об утраченной стране?

– Страну не выбирают.

– Вы сами сказали, что живете в Америке...

– Когда я это сказал?! Это вы сказали. То, что я с некоторых пор преподаю в США – это моя работа и, если хотите, миссия. По вашей логике выходит, что любой человек, который преподает в Америке русскую литературу, бросил и предал свою Родину? Я – русский гражданин и горжусь этим! Вы предъявите сейчас претензию Тургеневу за то, что он творил за границей. Или – Гоголю.

– В 1990-м году на одном из митингов вы стояли рядом с бывшим генералом КГБ Калугиным, который, как известно, выдал немало государственных секретов. Вы не испытываете сожаления?

– А вы не испытываете сожаления, что товарищ Сталин столько раз стоял рядом с Берией? Разве вы всегда оказывались рядом только с хорошими людьми?

– Но поступок Калугина не является для вас чем-то постыдным?

– Видимо, вы не читаете моих стихов, если считаете, что мне может нравиться такой человек. Вы просто не знаете, о чем я пишу! И вам, наверное, кажется: все, что происходит у нас в стране, я представляю в каком-то исключительно радужном свете? Я вижу совершенно разные картины. Кто все эти стихи написал, как не я?! Вам перечислить то, что я написал, а вы не читали? Почему я должен вам помогать читать? Если бы вы продолжали читать мои стихи, вы увидели бы, сколько тяжелых проблем я в них поднимаю!

– И Братская ГЭС, которую вы строили и воспели в одноименной поэме, обернулась Саяно-Шушенской аварией...

– Неправда! Братскую ГЭС я защищу. Братская ГЭС – это потрясающие показатели. Почему? Потому что Саяно-Шушенская строилась совершенно другими людьми. Братская ГЭС до сих пор остается шедевром технической мысли. И потом это была первая в СССР великая стройка, которая обошлась без труда заключенных. Во всяком случае, на строительстве Братской ГЭС не было рабского труда. Братская ГЭС – символ. Там работали люди множества национальностей. Там никогда не было антиинтернационализма, который мы наблюдаем сейчас по всей нашей стране, когда в Москве, рядом с музеем имени Пушкина, убивают людей, у которых кожа чуть потемней, чем у скинхедов. Если бы Пушкин воскрес и вышел бы из своего музея, он бы мог пасть первой же жертвой. Нет, Братская ГЭС – это время надежды. Она была очень хорошо спроектирована и до сих пор надежно работает. И сейчас те, кто ее возглавляют, стали инициаторами интернаци-

онального вечера поэзии. В Сибирь приехали поэты из Франции, Польши, Гватемалы и Никарагуа. И они впервые выступали вместе с поэтами Москвы, Санкт-Петербурга, Сахалина и Дальнего Востока. И среди организаторов этого вечера были дети той самой Ньюшки, о которой я написал в поэме.

– «– А ты неужели считаешь, что это твой шедевр? Четыре с половиной тысячи строк на три четверти становятся пересказом советских банальностей. А неучи из ЦК еще требуют улучшений». Это – цитата из последнего романа Василия Аксёнова «Таинственная страсть». Озвучена она устами жены Евгения Еvtушенко Татьяны Сокол (в романе – Татьяна Фалькон), которая как раз и говорит о поэме «Братская ГЭС». Как вы оцениваете этот роман?

– Я перестал его читать.

– Потому что он иронически описал поколение шестидесятников и, в том числе, Евгения Еvtушенко, выведенного под именем Ян Тушинский?

– Нет, мне эта книга совсем не нравится. Абсолютно уверен, что она не была написана Аксёновым перед самой его смертью.

– Но главная-то ее мысль какая? Таинственная страсть – это страсть к предательству.

– Вы так думаете?

– Вот еще цитата из романа, где та же Татьяна Сокол утверждает: «Вопрос ставится так: что вы выбираете: предательство или страдания? Мне кажется, что после хрущевского опорола наши мальчики склоняются к первому». Скажите, изменилось ли ваше отношение к Хрущёву после того самого «опорола» – его разноска творческой интеллигенции в Кремле?

– Я Хрущёву прощаю все его стучания кулаком за то, что он назвал Сталина убийцей и открыл двери ГУЛАГа, дав возможность выйти на свободу хотя бы некоторым из уцелевших узников. Все-таки это смелый поступок, хотя Хрущёв к тому времени был сам во многом виноват, но испытывал муки совести.

– В одном из циклов своих ранних стихотворений вы называли Ленина своим «самым интимным другом». Как вы сейчас относитесь к Ленину?

– Нужно отделять две вещи. У нас их часто путают. Нормальную человеческую эволюцию и хамелеонство. Как говорят в Одессе, это две большие разницы. Многие не скрывают того, что они прошли серьезную эволюцию взглядов. Например, об этом говорил академик Сахаров. Андрей Дмитриевич рассказывал, как он плакал, когда умер Сталин. И даже мне моя мама,

хотя обоих моих дедушек арестовывали и уводили на моих глазах, говорила, что они уехали в дальнюю командировку. Масштабы трагедии тех лет многие люди не могли понять во всей полноте. У Лидии Гинзбург написано о том, как в камеру, где она сидела, приводили все новых и новых «постояльцев». И им, как и ей, казалось, что они попали сюда случайно, а все другие – настоящие враги народа. Что вы хотите от мальчика, который вырос в сибирской глубинке? Магия Сталина как верховного главнокомандующего еще долго оставалась нерушимой. Теперь что касается моего отношения к Ленину. Наше поколение часто упрекали в том, что мы боролись со Сталиным именем Ленина. Да, со Сталиным мы разобрались довольно быстро. Но кто нам преподавал в школах или институтах, что подпись Ленина стояла на декрете о создании ГУЛАГа? Узнали – ужаснулись. Для нас это был страшный удар. Но я считаю, что Веня Ерофеев сделал замечательную вещь – напечатал «Мою лениниану». Он не привел никаких своих мыслей, а составил маленький буклет из высказываний Ленина. О том, как Ленин приказывал вешать беспощадно крестьян за то, что те отказывались сдавать зерно. Как расправлялся с интеллигенцией и священнослужителями. Так образ доброго дедушки Ленина постепенно рассыпался. И это была нормальная эволюция взглядов. А многие застыли в своем первоначальном восприятии. У нас есть люди, которые не хотят читать «Архипелаг...» Солженицына и понимать, что вся человеческая история, включая историю России, это наше наследство и мы должны в этом наследстве разбираться для того, чтобы больше не повторилось ничего подобного.

– Евгений Еvtушенко был популярней, чем в свое время Маяковский и Есенин. Потому что время было другое и, соответственно, возможность?..

– Простите за каламбур, но не нужно все время ссылаться на время. Потому что поэт, если нет ветра в самом времени, все равно выдыхивает завтрашний день. Он сам становится этим ветром, воздухом будущего. Не такой уж приятный воздух был у пушкинского времени – особенно во второй половине жизни нашего национального гения. И все-таки существование Пушкина как поэта наполнило паруса.

**Записал беседу
Юрий БЕЛИКОВ
(В полном объеме читайте
интервью с Евгением Еvtушенко
в № 7, журнала «Дети Ра»)**

ХОРОШЕЕ НАЧИНАНИЕ

ИСПАНИЯ: ПОЭЗИЯ В АВТОБУСАХ САНТАНДЕРА

В Испании родился необычный проект, позволяющий ее гражданам и испано-говорящим, вернее, «испано-читающим» туристам, приобщиться к сокровищам литературы.

Сантандер, главный город Кантабрии, стремится стать культурной столицей Европы в 2016 году и с этой целью уже

начал кампанию, в которой, среди прочих инициатив, значится популяризация чтения поэзии в общественном транспорте.

Интересно, каким же образом? Очень просто – в муниципальных автобусах города пассажирам будут раздавать серию поэтических сборников, кото-

рые они смогут читать прямо до своей остановки.

По инициативе «Фонда Сантандера – 2016» для этой цели были выпущены 5 поэтических брошюр следующих авторов: Lorenzo Oliván, Marian Barcena, Alberto Santamaria, Mariano Calvo Haya и Maribel Fernandez Garrido. В типогра-

фии напечатали 10 тысяч сборников – по 2 тысячи на каждого поэта.

Впоследствии будут изданы книжки для автобусов и с другими литературными жанрами. Главное условие – авторы должны быть испанцами, а тексты – короткие, чтобы пассажиры успели их прочитать до конца своей поездки.

Подобная идея полезна вдвойне – не только для продвижения Сантандера на роль европейской Культурной Столицы, но и для привлечения общественного внимания к творчеству местных авторов.

**(По материалам сайта
Turizm.ru)**

ЮБИЛЕЙ

Виктор КЛЫКОВ «ГЛАВНОЕ — ЭТО НАЙТИ СЕБЯ!»

Виктор Клыков — знаковая фигура для русской поэзии. Много лет он живет на Западе, в настоящее время в Вене. С 1983 по 2000 год включительно работал на дипломатической должности в Организации Объединенных Наций. Он постоянно и вдохновенно пропагандирует поэзию. Виктор Клыков — один из основателей и Президент литературного клуба «Русская поэзия в Австрии» (Вена). Автор многочисленных публикаций и книг. В 2009 году за верное служение отечественной литературе стал лауреатом премии имени А. С. Грибоедова МГО Союза писателей России. В июле Виктору Клыкову исполняется 70 лет. Поздравляем нашего автора и друга. С ним беседует Евгений Степанов.

— Уважаемый Виктор, редакция поздравляет Вас с юбилеем. Мы знаем Вас и как поэта, и как переводчика, и как человека, который много делает для организации литературного процесса в Вене. Вы — президент Литературного клуба «Русская поэзия в Австрии». Расскажите об этом Клубе!

— Вы правы, последние 10 лет я посвятил себя исключительно поэзии, творческому объединению русскоязычных поэтов выходцев из бывшей нашей большой Родины — Советского Союза, проживающих в Австрии, и сотрудничеству с рядом поэтических австрийских объединений.

До этого я работал слесарем на стройках Москвы, окончил Московский инженерно-строительный институт и еще несколько других учебных заведений, был инженером, переводчиком французского языка, экономистом, научным сотрудником Института экономики Академии наук СССР (где защитил кандидатскую диссертацию по экономике), экспертом Госплана СССР и Комитета по науке и технике СССР. Потом 18 лет я трудился в Организации Объединенных Наций в Вене.

По своей натуре я очень впечатлительный человек. Это и приводит меня в состояние поэтического вдохновения. Восхищение, потрясение, изумление людьми, событиями, картинами природы, с юности выливались в стихи на клочках бумаги, салфетках, в блокнотах и записных книжках.

Когда же образовалось много свободного времени, стало понятно, что поэзия — это главное и самое прекрасное занятие, к которому я стремился всю жизнь.

В 2004 году «Росзарубежцентр» совместно с «Литературной газетой» провел первый поэтический конкурс среди соотечественников, живущих за рубежом, с публикацией стихов в сборнике «Я ни с кем никогда не расстанусь...», изданном в Москве в 2005 г. Я стал одним из его победителей от Австрии. В феврале 2006 года Российский Центр Науки и Культуры в Вене организовал вечер поэтов-лауреатов. Собралось много слушателей, среди которых были и пишущие стихи. Тогда мы и решили создать клуб «Русская поэзия в Австрии». Задачей клуба является объединение русскоязычных поэтов, любителей и профессионалов, проживающих в Австрии, для творческого общения, коллективных выступле-

ний перед публикой, издания стихов членов клуба и других проектов. 17 мая мы отпраздновали 4-ую годовщину. Нас поздравили различные литературные союзы и клубы, с которыми мы поддерживаем творческие связи. Мне особенно приятно отметить поздравления Константина Кедрова и Елены Кацюбы, создателей и руководителей поэтической школы ДООС и «Журнала ПОэтов», приветствие Давида Кудыкова, президента Международного союза литераторов и журналистов (APIA) в Лондоне, в работе которых кроме меня участвуют и другие члены клуба. Мы не замыкаемся только в своем кругу, но общаемся также с поэтами, живущими в соседних странах — в Чехии, в Германии. 21 марта сего года во Всемирный день поэзии под влиянием нашего клуба российскими соотечественниками был создан Международный поэтический клуб в Праге. Участвуем мы также и в мероприятиях австрийских литературных объединений, общества «Lyrikfreunde», «Trommel» и др.

— Какие интересные поэты работают в Вене?

— Из русскоязычных поэтов я хотел бы назвать, прежде всего, Елизавету Мнацаканову. Несмотря на почтенный возраст, она ведет аспирантов в Институте славистики Венского Университета, продолжает писать. В прошлом году участвовала в проведенных нашим клубом Русско-австрийских днях литературы и поэзии в Вене, посвященных столетию русского поэтического авангарда. Считаю интересными также из известных мне поэтов Аркадия Эйслера, Александра Лысенко, членов APIA, а также Юлия Хоменко. Из австрийских поэтов называю Вальтера Остеркорна (Walter Osterkorn), неизвестного в России авангардного поэта, пишущего на диалекте, распространенном в Штирии. Его визуальные стихи с моей подачи были напечатаны в журнале «Другое полушарие» № 12, 2010. На мой взгляд, сейчас в Австрии появилось много новых интересных поэтов. Поэтому ваш вопрос требует обстоятельного и серьезного анализа.

— Вы пишете разные стихи, причем, на разных языках. Есть у Вас и традиционные стихи, и авангардные. Как Вы пришли к авангарду? Кто из современных поэтов оказал на Вас влияние?

— Знаете, со школы я любил не только классиков, но и Владимира Владимировича Маяковского. Это был мой кумир. Тогда я и стал сочинять стихи под Маяковского. Позднее, уже в начале шестидесятих годов, в институте я посещал поэтический кружок в Москворечье, где мне однажды дали книжечку раннего Бориса Пастернака. Было в ней что-то завораживающее, цепляющее меня. Я был поражен этой неизвестной мне поэзией. Чуть позже попал в музей Маяковского, тогда еще в старом здании. Отмечался день рождения поэта, и в музее было много народу. Возле разделки в окружении толпы стоял худенький пожилой человек в потрёпанном сером костюме, но с вызывающе поднятой головой и с небрежно перекинутым за шею шарфом. Он с гордостью сообщил окружающим, что только что в Лондоне издали его книгу. Это был Алексей Кручёных. Потом он прочитал несколько стихов на непонятном языке, которые совершенно ошеломили меня, так как до этого ничего подобного не слышал. Собравшиеся встретили его спонтанное выступление аплодисментами. Он был счастлив. Эта встреча запомнилась на всю жизнь. А мой интерес к авангарду резко возрос. Я чувствовал, что в этом направлении было что-то новое, неизвестное, в определенной мере отвечающее моему характеру и чувствам. Потом я купил появившуюся тогда антологию русской поэзии начала 20-го века (название не точное), в которой уже можно было ознакомиться с отдельными течениями этого направления. В это время уже повсюду гремел Андрей Вознесенский, иногда на телевидении читал свои стихи Виктор Борисович Шкловский. А я писал стихи, как чувствовал и как получалось, иногда в классическом стиле, иногда совершенно рваные, непредсказуемые, в зависимости от настроения. Сильно повлияла на меня также авангардная живопись, которая в 60-е годы снова стала доступна широкой публике.

Позднее в Вене я встретил поэта и гитариста Владимира Устинова (Дурново), который писал совершенно необычные, часто не рифмованные авангардные стихи. Общась с ним, я освободился от ограничений рифмами и стал писать раскованней и свободней.

Эти поэты и оказали на меня влияние. К ним можно добавить М. Светлова, Э. Багрицкого, А.

Межирова, Б. Ахмадулину, В. Инбер и других.

— Какие русские литературные журналы Вы читаете в Вене?

— Я читаю российские журналы, которые покупаю или получаю от издателей в Москве. Это «Арион», в свое время «Вавилон», «Дети Ра», «Журнал ПОэтов» и др. В Вене издается очень мало русскоязычных журналов. Читаю регулярно «Новый венский журнал».

— Что для Вас значит заумная поэзия? Актуальна ли она сегодня?

— Для меня это направление поэзии очень интересно и достаточно близко. В моем понимании оно находится с границами сложившейся классической, ставшей традиционной, во многом рациональной поэзии. Современная заумь в поэзии развивает направление, созданное в начале прошлого века великими Велимиром Хлебниковым и Алексеем Кручёных в России и дадаистами за рубежом. Оно значительно расширяет рамки поэзии экспериментами со словом, ища его новые смыслы, графическое не только плоскостное, но и объемное и мобильное выражение, а также создавая поэзию нового звучания, в которой общепринятый банальный смысл поэтического языка уходит в тень, уступая место новым неизвестным понятиям и представлениям. С одной стороны, «заумь» возвращает нас к изначальным значениям слов и букв, придавая им утерянный с веками смысл, с другой — приближает к вселенскому космическому пониманию мира, к его универсальному метакоду. В силу сказанного, это направление органично преодолевает национальные языковые и смысловые рамки, становится транснациональным, всемирным направлением поэзии, не требующим переводов.

Я считаю заумную поэзию чрезвычайно актуальной и снимаю шляпу перед президентом Академии Зауми Сергеем Бирюковым, который уже много лет занимается исследованием ее развития и популяризацией на международном уровне.

— В ваших стихах много музыкальных образов. Почему? У Вас музыкальное образование?

— У меня, к сожалению, нет музыкального образования. Но я

родился недалеко от Московской консерватории. В переулочке напротив, рядом со старинной, сохранившейся и восстановленной сейчас церковью был роддом. Видимо, звуки музыки, долетавшие из большого зала консерватории, и были для меня первыми земными звуками. А если серьезно, то для возникновения музыкальных образов совсем не нужно музыкального образования. Оно может и вредить, так как в этом случае вы, как правило, знаете историю создания музыкального произведения и связаны ею. Для стихов нужно свободное, чувственное, восторженное их восприятие и фантазия.

— Вы пишете на французском и на немецком языках. На каком языке Вам проще работать?

— Я владею в достаточной степени этими языками, а также английским, чтобы говорить и писать научные доклады, проекты, отчеты и т.п., что я и делал почти 20 лет моей жизни в ООН. Поэтические тексты я пишу в основном на русском и только изредка на других языках. Как правило, это случается, когда я долго нахожусь в среде этих языков. Например, когда я два года работал в Алжире, я писал много различных текстов, включая и стихотворные, на французском языке. Сейчас я живу в Австрии, поэтому пишу иногда на немецком, но чаще перевожу и участвую в переводе моих стихов на этот язык. Занимаюсь также переводами текстов австрийских поэтов и прозаиков на русский язык.

— В чем смысл поэзии?

— Для меня этот вопрос не имеет смысла, так как я не стремлюсь сделать карьеру профессионального поэта, писателя и т. п. Сейчас для меня это образ жизни, который позволяет ей наслаждаться и получать наиболее полное удовлетворение.

— Какой главный вывод о жизни Вы сделали?

— Сейчас почти уверенно я могу сказать, что главное в жизни — найти себя. В поиске себя я сменил множество занятий, профессий, стран и уровней жизни в обществе. Мне кажется, что я близок к этому состоянию...

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

ПОЭЗИЯ ВИКТОРА КЛЫКОВА

РАССВЕТ НАД ВЕНОЙ

Над городом в небе
жар-птица
стремителен птицы полет
в полнеба распластаны крылья
огнем полыхает Восток.

Покров темноты разрывает

ключ

вытянутый вперед
и темнота пропускает
яркого света поток.

Тревожно вздрогнуло

сердце

что нас ожидает днем
а птица вдруг цвет изменила
на розовый...

А потом

стала сама меняться
таять и исчезать

крылья ее опали
чтоб облаками стать.

Солнце

ее размыло
дав жизнь новому дню
жар-птица себя погубила
разорвав темноту.

А после

в спокойном небе
летают обычные птицы
и вставшие поздно не знают
о пролетевшей жар-птице.

1.09.2008

«Я ВЕРНУЛСЯ В МОЙ ГОРОД, ЗНАКОМЫЙ ДО СЛЕЗ...»

25 мая 2010 года в Санкт-Петербурге, во дворе Государственного университета, по инициативе голландского Фонда «Собеседник» состоялось открытие памятника Осипу и Надежде Мандельштам. Автор композиции Ханнеке де Мюннк. Петербургский скульптор Хачатур Белый изготовил постамент, на котором высечена надпись «О, как же я хочу...». Памятники поэту есть во Владивостоке (там был открыт первый их них), Москве, Воронеже. Была установлена и в Санкт-Петербурге во дворе дома Анны

Ахматовой посвященная ему скульптура, но она статуса памятника не имеет и считается экспонатом Ахматовского музея. Существует неофициальная, народная традиция: во всех городах, где есть такие памятники, 27 декабря, в день памяти поэта, люди собираются возле них и читают его стихи. Открытый 25 мая в любимом городе Мандельштама «Памятник любви» стал еще одним знаком восхищения его личностью и признания его творчества в мире. К слову сказать, в музее В. Набокова в настоящее время идет выставка картин супруга

Ханнеке де Мюннк – Ситсе Х. Баккера «Графическая интерпретация поэзии Мандельштама». Источник творческого вдохновения художника – русский авангард начала двадцатого века. Картины его небольшой коллекции представляют собой комбинацию текста и изображения, причем в качестве текста художник использует строки из произведений Осипа Эмильевича.

Вечером этого же дня в Большом выставочном зале Музея Ахматовой («Фонтанный Дом») прошел вечер «Осип и Надежда Мандельштам», организованный совместно с Мандельштамовским обществом. Зрители увидели голландский телефильм

«De eeuwen omringen mij met vuur» («Столетия окружают меня огнем») (Режиссер Франк Диаманд), в котором воспоминаниями о поэте поделилась его жена и верная спутница жизни Надежда Яковлевна Мандельштам. Один из героев фильма – поэт Андрей Синявский также рассказывал об Осипе Мандельштаме и том времени, в котором тому довелось жить и творить.

По окончании фильма выступал поэт А. Кушнер, автор великих стихов, превратившихся в одну из самых мудрых формул всех времен и народов: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают», поэт, которого И. Бродский называл «одним из лучших лирических поэтов XX

века» и считал, что его имени «суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский». С проникновенным чувством А. Кушнер, в частности, сказал, что когда-то думал о том, что лучше б не было этого жуткого, кровавого XX века. Но тут же одергивал себя мыслью, что тогда не было бы и великих светочей этого времени, в том числе неповторимого поэта Мандельштама и других, всем нам известных имен, лучше которых пока, по мнению А. Кушнера, еще никто не писал. Грех жаловаться всем нам, продолжал А. Кушнер, грех ныть, если вспомнить, в какое время пришлось жить им – если вспомнить 29, 34, 37 годы прошлого века. А они жили, жизнью человеческой, полной любви и высоких чувств, дав тем самым не только России, но всему миру «вакцину от несчастий», лекарство достойного духовного выживания. И в этом смысле, как ни трудно это признать, но даже этот трагический период жизни нашей страны стал для осмысления и понимания нами чего-то важного – необходимым, составив общий узор в ткани жизни, из которой не вытащишь ни одну ниточку, не нарушив его. В заключение своего выступления А. Кушнер прочитал стихотворение «На череп Моцарта...»

Программу вечера продолжила презентация новых книг, посвященных О. Мандельштаму. Был проде-

монстрирован буклет о памятниках поэту. Все желающие смогли купить карту-экскурсию «Прогулка по Мандельштамовскому Петербургу» со вступительной статьей В. Старка. Свой сборник «Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга допросов, допросов и обвинительных заключений» представил автор и ведущий вечера Павел Нерлер. С материалами Мандельштамовских чтений, проходивших в Перми с 31 мая по 4 июня прошлого года, можно ознакомиться теперь в книге «Мандельштам и Урал». Книга составлена под редакцией Пермского педагогического университета (соавторство Н. Петрова). Также был продемонстрирован сигнальный экземпляр книги стихов О. Мандельштама, можно сказать, первое, в своем роде, подарочное издание, где в иллюстрациях сделан акцент на многослойность поэзии Мандельштама, его многоуровневые ассоциативные ряды, в которых при внимательном соучастии читателя выявляется истинный смысл стихотворения.

Закончился вечер банкетом с шампанским в саду Фонтанного Дома, организаторами которого также стали наши гости из Голландии.

Ольга ДЕНИСОВА,
сбор «ЛИ» в Санкт-Петербурге

ВЫСТАВКА БОРИСА МЕССЕРЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

С 20 апреля по 16 мая в Санкт-Петербурге, в Музее Набокова, проходила выставка акварельных работ выдающегося российского художника Бориса Мессерера. Размещение выставки именно в стенах этого музея не случайно, ведь Белла Ахмадулина и Борис Мессерер в далеком 1977 году встречались и беседовали с Владимиром Набоковым в Монте, за десять лет до того, как впервые произведения Набокова были напечатаны на его родине. Белла Ахмадулина вспоминает об этом, как об одном из ярчайших событий в их жизни: «Я пристально любовалась лицом Набокова, и впрямь ненаглядно красивым, несдержанно и открыто добрым, очевидно посвященным месту земли, из которого мы не бывало свалились. Но и он пристально смотрел на нас: неужто вживе есть Россия, где он влиятельно обитает, и кто-то явно уцелел в ней для

исполнения этого влияния?» Есть, видимо, какая-то таинственная сила в этом мире, которая сводит людей, встреча которых как будто определена заранее, недаром и Владимир Набоков, и Белла Ахмадулина родились в разные годы, но в один день – 10 апреля.

Борис Мессерер относится к эпохе «шестидесятников», поколению талантливых представителей литературы, театра, изобразительного искусства, поколению реформаторов, настолько одаренных, что им невозможно было ужиться в рамках официальных канонов, принятых тогда в нашей культуре. Они разорвали эти тормозящие прогресс оковы и заговорили каждый своим голосом, непохожим на другие, но все до одного ярко, узнаваемо, неповторимо. Творческая мастерская Бориса Мессерера была в то время неформальной академией искусств, союзом литературы, живо-

писи и музыки, ведь именно в ней зародился альманах «Метрополь», в создании которого принимали участие писатели, ставшие звездами новейшей российской литературы: Василий Аксенов, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Виктор Ерофеев и другие.

Друг художника Андрей Битов сказал: «Вся его жизнь посвящена творчеству, а все свободное время любимым и друзьям». Уникальность дарования Бориса Мессерера заключается в том, что он не только замечательный театральный художник, но и удивительно тонкий в передаче настроения автор натюрмортов, портретист и пейзажист. В Петербург Б. Мессерер привез всего 60 работ, выбрав, по его словам, не авангардные, «а более простодушные, импрессионистические и в ... чем-то созвучные творчеству Владимира Набокова». Среди его

пейзажей виды Тарусы, которые можно назвать и портретами его любимого города, виды одних и тех же улиц, зданий, но в разную погоду и в разное время года.

Среди собственно портретов, в основном, изображения Майи Плисецкой и Беллы Ахмадулиной. Искренним восхищением и неувядающей любовью проникнуты портреты музы художника Беллы Ахмадулиной, недаром именно ей посвятил он свою выставку. С чисто мужским обожанием передает он ее очаровательную хрупкость, с проникновенностью истинного поклонника творчества великой поэтессы – ум и то ли печаль, то ли сосредоточенность в глазах женщины, которой дано видеть что-то неподвластное зрению обычного человека. На одном из портретов мы видим Беллу Ахмадулину в обычной обстановке, повседневной летней одежде, как будто с нами и одновременно где-

то вне окружающего ее мира, как будто напряженно прислушивающуюся... К чему? К тому моменту, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется...»? Все мы знаем эти пушкинские стихи. Они как будто и о Белле в тот момент, когда ее увидел любящий ее человек.

Выставка Бориса Мессерера, к сожалению, закончила свою работу в Санкт-Петербурге. Прощайте, очаровательные Майя и Белла, прощайте, восхитительные Таруса, Коктебель, Тбилиси, Поленово. До новых встреч с их живописцем, большим мастером и интересным человеком, может быть, теперь уже на больших, персональных выставках, как мечтает сам художник, в Русском музее или Манеже.

Ольга ДЕНИСОВА,
сбор «ЛИ» в Санкт-Петербурге

СВОЙ ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Секция поэзии — самая многочисленная из всех секций Союза литераторов и насчитывает более 200 человек (поэтов всегда чуть-чуть больше, нежели требуется), несколько лет ее возглавлял корифей метареализма Александр Ерёменко. В настоящее время — Наталья Рожкова. Помимо участников легендарных литературно-художественных объединений СМОГ, Спектр, «Клуб Поэзия», «Московское время» в ее рядах немало авторов, которым 18-20 лет. Не всякий творческий союз может этим похвастаться! В течение 20 лет, прошедших после регистрации нашего союза, выпускались поэтические книги, например, серия «Визитная карточка литератора», издательство «Вест-Консталтинг», альманахи «Вектор творчества», «Словесность». Следует упомянуть такие мероприятия, проводимые Союзом, как конференция, посвященная 100-летию со дня рождения О. Мандельштама в Лондоне под председательством Иосифа Бродского, Первый фестиваль поэзии в Барнауле с участием Евгения Бачурина и Юрия Арабова. С 2000 года Союз становится постоянным участником Всемирных дней поэзии под эгидой ООН.

В данной рубрике, которую будет вести Наталья Рожкова, предполагается публиковать не только тех, кто непосредственно состоит в секции поэзии, читатель встретится также с произведениями достойных авторов из секций художественного перевода, авторской песни, остроумной литературы.

Редакция «Литературных известий»

Татьяна КАЙСАРОВА
В ТЕСНОТЕ ЗНАКОМЫХ СОСЕН

Поэтесса, журналист, критик, художник, автор восьми поэтических книг. Государственный стипендиат по категории «Выдающиеся деятели литературы и искусства России», лауреат премии «Словесность». Живет в Москве, работает в МГУ.

ДУЭЛЬ

Сходимся. Иду к тебе навстречу,
Родина, и выстрел за тобой.
Небо опускается на плечи
И туман сгущается седой.

Уши заложило, словно ватой —
Твой прицельный залп неотвратим!
Лишь души дымок голубоватый
Волен слиться с небом голубым.

ЛИМОНЧЕЛЛА

Лимончелла в тоненьких бокалах —
Даже тени на столе желты.
Ты еще и слова не сказала,
Но качнулись ближние цветы.

Оглянись: в халате наизнанку,
Не желая отойти ко сну,
Смотрит пожилая итальянка
На невероятную луну.

На ее балконе сохнет платье,
Спит вязанье, брошенное днем.
Небо открывает ей объятье,
Чтоб она подумала о нем.

А вокруг парит благоуханье
Итальянской полночи и тьмы,
Калабрийский ангел отдыхает
На балконном кресле, как и мы.

Лимончелла, белла Лимончелла,
Что еще добавить можешь ты?
Смелости да меткости прицела
В эти две ближайшие звезды.

ИЗ ЦИКЛА «ОТЦУ»

***

Мне снилась ночь, в которой длился крик:
Ни звезд и не луны —
лишь только зов шамана.

Вагон качнуло. Рядом спал старик.
Потеряя перчатку их кармана
Растерянно глядела пятерней.
Я вздрогнула: Отец, он вновь со мной!

Вагон летел. В окно глазели вишни
И спал старик. Он был отец не мой.
А как похож. Храни его Всевышний!

***

И снова в тесноте знакомых сосен
По-детски удивленно встречу осень
И выйду в стын, в распахнутом пальто,
Смотреть, как прохурилось решето
Пространства между прошлым и былым,
Как плачут души, травы и стволы,
И день уходит по ничьей земле,
И гаснет, и теряется во мгле.
Я улыбнусь — сквозит печаль легка,
Как горьковатый дым от костерка.

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ
ИЗ ЦИКЛА «МОСКОВСКИЕ ПРОГУЛКИ»

Поэтесса, автор 25 опубликованных сборников стихотворений и многочисленных публикаций в сети Интернет, а также в различных журналах и альманахах.

Кандидат филологических наук — один из авторов и редакторов Словаря языка русской поэзии XX века. Руководитель Литературного объединения Центрального Дома ученых РАН.

1. Нескучный Сад

Мы уже не встретимся в Нескучном,
в лучшем, запорошенном Саду —
снегом, что летел с небес, из тучи...
И я знала, что с тобой иду

в этот день, как будто в день последний,
потому что — шел последний снег,
потому что — шли с тобой по следу
всех, кто расставался здесь навек.

А над нами спутанные кроны
ткали черно-белый свой узор —
призрачную сеть седым воронам,
а вдали тянулся в высь собор —

монастырь апостола Андрея
облачался, словно в ризы, в снег...
Шли. И ты словам моим не верил,
знал, что расстанемся мы навек,

разлетимся по московским клеткам —
будет снится нам Нескучный Сад,
словно Райский, тот, в Завете Ветхом,
потому что — нет пути назад.

2. Иду Москвой...

Как на призыв забытый твой —
как в забыты — иду Москвой,
когда высок над головой
звук предпасхальный колокольный...

А я не знаю как сберечь —
как тайну таящую — речь —
как путь твой строгий пересечь
моей дорогою окольной...

Пусть не сейчас — когда-нибудь
когда пройду твой тайный путь —
шагами постигая суть —
судьбы изгибы повороты...

Когда над головой плывут
колокола — когда зовут
не в наш покинутый приют —
в небес распахнутых ворота...

пусть не когда-нибудь-сейчас —
когда дрожит вечерний час
что отражен в пустынях глаз —
людей идущих мне навстречу...

когда пасхальный звук — высок —
летит в небесный потолок
и одиночество — залог
того — что я тебя — не встречу...

Наталья РОЖКОВА
ДАЛЬ НЕЗРИМАЯ

Москвичка, окончила РГГУ. Автор 4 поэтических книг и более 200 публикаций в России и за рубежом. Председатель секции поэзии Союза литераторов России. Лауреат премий «Традиция» и им. С. Есенина (обе — 2002 г.), «Словесность» (2006).

***

Рассыпаны маски. Кончается ночь,
Светильник чадит среди зала,
Вповалку тела — так храпят, что невмочь!
Приходит конец карнавала.
Рассвет серолицый нетвердо бредет,
Комета проносится мимо,
И мать одинокая сына зовет,
И век до падения Рима.
Все ходит старуха, все плачет навзрыд,
И эхо роняет на плиты,
А сын под разорванной шторой лежит,
Для чьей-то забавы убитый.
Конец карнавала. Кружится листва,
Хрустит под подошвою лира,
Как уголь, черны за окном дерева,
И миг до падения мира.

***

Казалось: прожито так мало,
И даль незримая звала,
Я старше Лермонтова стала,
Но ничего не поняла.

ПРИЗНАНИЕ

«Люблю тебя, Петра творенье»

А. С. Пушкин

Я тебя не люблю, Петербург —
Ленинград — Петроград,
Потому что сидит на игле золотой,
непогоде по-прежнему рад,

Серый грозный орел;
он за каждым движеньем следит,
Здесь Есенин вошел в «Англетер»,
здесь был Пушкин убит.
Перья влажны от сырости вечной,
и клекот пугает людей,
Убежать бы от страшных квадратов
твоих ледяных площадей!
Чутко дремлет корабль,
что бабахнул тогда холостым,
Столько судеб сгубил,
превратив их в две строчки и дым!
Отчего-то носил имя древней
прекрасной зари,
Хоть на Запад смотрели
стеклянные очи твои.
Плотник-царь, усмехая жестоко,
здесь пот утирал,

Здесь монархов взлетали куски,
караул караулить устал,
Если что-то осталось в душе моей,
и в голове,
Я щекой припадаю к любимой
растрепе-Москве.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА

Читает моя дочка «Дядю Степу»
И пухлыми губами шевелит
Как Мэрилин Монро
Над книгой Каммингса

Евгений Степанов «Застой. Перестройка. Отстой.»

М.: Вест-Консалтинг, 2009.

Верить ли всему написанному? Классического читателя давно не беспокоит этот вопрос. По мере того, как читатель учился чтению по диагонали, писатель осваивал навыки диагонального письма.

Прямо пропорциональная зависимость росла. Оставалось лишь довериться впечатлению, которое в целом оставляет та или иная книга.

Исключения появляются там, где хороший замысел воплощен хорошим языком. Когда делиться впечатлением, осмысливая книгу, так же легко, как дышать, а говорить о стиле, технических особенностях произведения автор позволяет, далеко перешагивая условные границы отзыва, критической заметки или рецензии. То есть, давно ожидалась возможность и приглашение взглянуть сквозь художественное произведение на последние 30-40 лет, окружавшей нас действительности, без осуждения или преклонения, — а как на жизнь. На жизнь, ускользающую из-под любых оценочных критериев, непредсказуемо длящуюся и непостижимо подчиняющую себе человеческую память.

О творчестве Евгения Степанова написано немало. Сказано — еще больше. Но настоящий хороший разговор — неизбежно впереди.

Проза Степанова вызывает ощущение легкости, объема и глубины. Она живописна и колоритна. Часто пропущенная через запятую, в ряду с его поэзией, журналистской, научной и издательской деятельностью, она и в самом деле буквально пропускается, упускается. А проза, как ей и должно, проявляет самую суть писателя, обнаруживая редкие качества и талант. Именно в его прозе раскрывается дар великолепного рассказчика.

Возможно, поэтому название книги Евгения Степанова «Застой. Перестройка. Отстой», вышедшей в конце 2009 года в издательстве «Вест-Консалтинг», останавливает на себе внимание. К чему только не готовишься в условиях такого сочетания слов: сборнику избранных статей, интервью, исследованиям философского или социологического характера, наконец, помня о чувстве юмора и хорошем отношении писателя к разного рода игровым формам литературы, — палиндрому откровению или выбранным местам из книжки по трудоустройству, например. Но это роман. Роман с «крепким словом» внутри. Из песни, как говорится, слов не выбросишь, и Степанов этого без надобности не делает. А если разные песни в разные годы нам одинаково помогали строить и выживать, то писатель об этом вправе говорить.

Необходимые в наши дни мобильность, пронзительность, самодостаточность, сбалансированные ответственностью, чувством долга, честностью и художественным чутьем, — позволяют справиться практически с любой задачей. Когда обладателем таких качеств является писатель, стиль и вкус которого читатель мог проследить за последние годы по книгам: «Разные жанры жары», «Лю», «Люди, разговоры, города», «Ира, белая герла», «Портрет», «Это действительно было», «Благодарная песня Джамбула», дополняя визуальным путешествием по «Пунктиру», «Карманным календарям Госстраха», «Социальной рекламе в России. генезис, жанры, эволюция», — интерес подогревается задолго до пролога нового романа.

И, прежде всего, интерес не только к тому, с какой точностью отображены хронологически уловимые границы заглавных эпох романа: «Застой. Перестройка. Отстой», но к тому унаследованному опыту проживания отеческого пространства, которым писатель готов поделиться.

Новый роман Евгения Степанова состоит из пролога и девяти глав. Вместо эпилога помещена миниатюрная глава, благодаря которой можно начинать чтение романа в обратном направлении. Это происходит, возможно, помимо авторской воли, и совершенно не зависит от читательской осведомленности о приемах литературы. Просто хорошего точного языка никогда не бывает много. И пусть герои осваивают и в совершенстве овладевают немецким, роман написан и издан на русском языке, что, при филологической искусности не только русским, но и другими языками, — лишний раз убеждает в стремлении писателя быть услышанным родным читателем, то есть нами.

В опубликованных отзывах — роман Степанова называют иногда альтернативной биографией, отмечая элементы журналистики, прослеживая линию литературной преемственности. Все это хорошо и правильно

но. И все это лишний раз убеждает в точности авторского построения романа. В конце концов, любая история имеет отношение к судьбе писателя и выглядит, как журнал жизни, ежедневник земного присутствия. А если вспомнить адамовичскую рекомендацию относительно чтения любого журнала с последних страниц, где собирается квинтэссенция всего издания, то желание прочесть роман Е. Степанова в обратном направлении вполне закономерно.

Вообще, когда отмечаешь достоинства книги, конструкции романа, которой автор отдал предпочтение, необходимо уделить особое внимание. И придаешь ей значение всякий раз, когда спрашивают о чем роман. Пересказать роман несложно. Можно даже в двух словах. Но, вспоминая стиль Степанова, хочется сказать, что такую прозу лучше читать. Хотя, и пересказ романа принесет немало открытий. Если вспомнить знаменитую фразу, Ивана Бунина: «Говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет, — пропал человек», — обреченному им в эмиграции на одном из литературных заседаний 1927 года, — то роман Евгения Степанова именно об этом. Стоит лишь перефразировать ее в направлении нашей темы: «Уехал из московского, кубиковского, берлинского, шарлоттенбургского уезда, и не пропал».

Доверие к жизни и внимательный, постигающий взгляд позволили Е. Степанову работать в разных плоскостях романного жанра, унаследовавшего все искушения прошлого: от ритуальных элементов орфоэпического зачина до монтажных вторжений, имеющих психоделические последствия. Писателю удалось сотворить универсальную атмосферу проживаемых героем ситуаций, благодаря филигранной работе с разнофактурным материалом, образуемым словесной тканью романа, оставляя, впрочем, некоторое пространство для своего, авторского, присутствия.

Универсальность атмосферы проявляется в том, что любой, даже ничего не знавший (нюхавший) из периода застоя, перестройки, но обладающий исторической памятью читатель, обязательно ощутит родную, только ему одному знакомую, узнаваемую до мелочей, в том числе и физиологического характера, ситуацию.

«Поначалу Сан Саньч нас сильно не напрягал — ну хряпнет немного, ерунда, с кем не бывает, ну пригласит иногда товарищей — тоже можно пережить. Поболтают они о том о сем, выпьют по бутылке на брата смертельной паленой водки, да и спать лягут. Мы всерьез заволновались после того, как осознали, что в его квартирке потихоньку образовался неформальный центр дворового алкоголизма. Все перлились к нему, к Сан Саньчу. И мужики, и бабы. Это превратилось в систему».

Особенно часто приходил некий Влад Коменский. Он очень любил петь. По ночам. Часа в два-три у него начинались распевки».

Все девять глав — это вполне самостоятельные истории. Они происходят с главным героем — Евгением Викторовичем Жарковым, его женой Наташей и дочерью Настей. Родители героя, теща и друзья сквозной нитью проходят через все повествование, играя подчас решающую роль то в одной, то в другой плотно заселенной второстепенными и эпизодическими персонажами истории. Все это нанизывается писателем на основную, заданную прологом ось, которая есть не что иное, как судьба. Пролог представляется неким орфоэпическим взрывом, который сопряжен с любым творческим началом, включая момент рождения человека. Нужно сказать, что аккуратно касаясь морфогенетической модели, как одного из главных факторов,

придающих эмбриону определенную форму, Степанов, не без чувства юмора, сквозь небесный океан со всевозможными волнами космического эфира, и в самом деле осторожно, пунктирно, касается на клавиатуре компьютера гласной «а», как возможного начала всего, и, прежде всего, первого вдоха. Выхватывая из небытия лишь определенные условия: «в непонятной студенческой Сибири нашли друг друга глаза потянулись друг к другу...», и фиксируя лишь номер роддома и данные матрицы: число, месяц, год, час и секунды.

Казалось бы, отсчет начался, щелкай себе на здоровье, читатель, главы и главы романа, как семечки: сельская школа, больница, сотрудник музея, газетчик, сотрудник «Центр-округа», жители Тверской-Ямской, топ-менеджер компании «Страхуй», эмигранты... Если бы не ощущение, что все эти подробности, вся эта правда жизни, написанная умело, крупными колоритными мазками, импрессионистично, щедро и со вкусом, — заставит все-таки расшлоск:

«Постле танцев все разошлись на спецужин. Это когда каждый ел то, что ему принесли родные».

Я не пошел. Был сыт. Баян остался лежать рядом с моим креслом».

Подошел какой-то неизвестный мне безумец. Глаза — буйного больного. Он взял баян, я не смел ему перечить».

«Лшш бы не сломал», — только и подумал».

А парень заиграл так, как, наверное, не смогли бы и в консерватории. Шустро бегал ловкими пальцами по клавиатуре, как, может быть, папанинцы по льдинам».

Но играл он почему-то исключительно одну мелодию».

К музыканту подбежал неугомонный Панов и попенял ему, чтобы он не мешал мне работать».

Я заверил Бору, что музыка мне никогда в жизни не мешала».

Все психи привыкли к тому, что я постоянно что-то писал. И никто не спрашивал (впервые в моей жизни!), зачем я это делал. Надо — значит надо».

Что-то удаётся Евгению Степанову за прозрачным повествованием, вдохновенным, полным игры светотени и ясности утаить, скрыть и оставить по умолчанию. Что именно? Какая-то надежная, но невидимая простому глазу опора, твердь?

Есть в первой главе, где трупперно соединены «Подмосковная Москва — Кубиково — Кубиковск» в неделимое целое, — одно описание яблони:

«Во дворе росла огромная величественная яблоня — китайка. Яблочки были маленькие-маленькие, кисло-сладкие, мы их очень любили с братом».

Я смотрел на могучий и стойкий, как световой луч, летом врывающийся в дом, ствол яблони, гладил ее нежные листочки, прижимался к ней спиной, и она, как мамаина теплая мохеровая шаль, согревала меня — я с детских лет был уверен, что дерево одушевлено, и оно — любое, абсолютно любое, но, прежде всего, конечно, яблоня! является моим родственником. Близким родственником».

Нужно сказать, что к трем страницам, на которых умещается самое дорогое для героя: детство, юность, студенческие годы, — Евгением Степановым представлена эта яблоня, как «охранная грамота». За ней все истории романа сами собой, начинают собираться, складываться одна в одну, подобно расписным матрешкам».

Да, строение романа близко к строению матрешки. Автору, подобно герою детективного или приключенческого романа, удалось спрятать на самом видном месте сокровище — свой вымысел, благодаря которому только и можно передать земными писательскими (подручными) средствами непреходящее бытие. И подобно тому могучему и крепкому, как световой луч, стволу яблони, вымыслу, творящему искусство жизни, писатель остается верен и устанавливает с ним родство до последнего слова в романе».

Отсюда у него появляется возможность через детальную прорисовку тех или иных образов, прежде всего образа главного героя, Евгения Жаркова, тех или иных жизненных ситуаций — создать цельную картину, которую читатель знает изнутри, как самое себя. Редко в романе встретишь внешнее описание героев. Исключение, правда, делается для обитателей психиатрической больницы. Портреты создаются в основном из невероятно мельчайших психологических деталей, подобно опытам импрессионистов передачи бытийного пространства путем его спектрального разложения. А умение из точки одним движением руки, непрерывной линией, передать суть одушевленного или неодушевленного предмета — сродни почерку Пикассо. Наверное, поэтому задумываясь о названии романа Е. Степанова «Застой. Перестройка.

Отстой», вспоминаются слова мастера по поводу того, что можно обмануть ум, но глаза, восприятие, обмануть нельзя. И то, что читателя ожидает за шаблонной заставкой названия, призвано переосмыслить многое, и собственную жизнь в том числе».

Так, условно, главы романа, авторской росписью ложатся на мал мала больше овальные, рассоединяющиеся посредине, деревянные куклы. И каждая последующая глава-матрешка содержит в себе все предыдущие, включая самую малую, неделимую, которая фиксируется в памяти читателя яблоней, согревающей героя, как материнская мохеровая шаль. Просто, надежно, вечно, как мир».

Отличие, принципиальное, от невинной лубочной игрушки, пожалуй, в том, что если выстроить все главы в один ряд, пустоты внутри каждой, отдельно взятой, не обнаружишь. В конструкции матрешки едва ли не самым главным является место соединения двух ее половинок. От точности и тонкости работы мастера зависит судьба каждой из них. На долю таких же мест в романе выпадает самое главное — ненаписанная, но осязаемая книга внутри романа. Ради нее роман, кажется, и создавался».

Если попытаться условно обозначить тонкие места соединений и записать их по порядку, то получится книга с таким содержанием:

1 Яблоня — Побег в любовь — Щукины палиндромы. 2 Фиксное стояние. 3 Византийский вояж. 4 Колизей Третьего Рима. 5 Компанийское стояние, или дежавю. 6 Эмиграция на круги своя. 7 Утренний душ».

Такую книгу внутри романа Евгения Степанова «Застой. Перестройка. Отстой» можно прочесть благодаря хорошо и вовремя усвоенным урокам литературного мастерства. Когда в этой связи, как очевидность, произносятся имена Чехова, Пастернака, Гроссмана, Лимонова, Довлатова, а герой романа добавляет Вересаева, Гончарова, Бунина, Толстого, Пушкина, Оскара Уайльда, Маркеса; Искандера, Бондарева, Маканина, Токареву, Улицкую, — забывают напомнить одну восточную мудрость: когда ученик готов, учитель приходит сам. И, думается, кто бы из учителей не наведывал такого ученика, нам, читателям, от этого только лучше».

Так, благодаря превосходной работе с деталью, писателю удалось из первой туристической поездки Жаркова за границу создать маленький шедевр, условно названный нами «Византийский вояж». Зарубежная поездка героя после психиатрической больницы, эпизодически связывающая рождение дочери и переезд-возвращение в Москву, написана Евгением Степановым, как миниатюрный рассказ, ценность которого растет по мере прочтения романа. И запоминается он благодаря тому, как работает с деталью писатель. Путевка, подаренная тещей, становится необходимым условием посвящения героя в свободу выбора, как в прямом, так и в переносном смысле».

«Первый мой заграничный город — Мессина, это в Италии. Я сошел на берег и хотел побегать. Узкие мощные улицы, бродячие музыканты, необъяснимый наркотический воздух свободы, апельсины, растущие в центре города... Я как будто опьянел от наплыва неизведанных чувств и впечатлений, даже не верилось, что я на Западе. Конечно, я нигде не побегал. Ведь дома меня ждали Наташа и брыкающаяся в ее животе Настюшка».

Стамбульский пиджак (византийская одежда по плечу, кстати, италийского пошива) вещь, исторически предопределенная и вполне необходимая в повзросневшей жизни; и Анна Кирсанова, персонаж мимолетный, оттеняющий нелепое, до смешного, положение, в котором оказался герой на стамбульском базаре, но присутствие которого в эпизоде романа так же необходимо, как по-человечески необходима бывает добрая память, вплоть до имени-отчества, о первом встречном, который оказался рядом только для того, чтобы поговорить на понятном, родном, языке...»

Из программных разговоров о чеховском ружье можно ограничиться примерами, которые еще раз напоминают о художественной зрелости Е. Степанова. Так появляясь не менее трех раз на протяжении романа, степановское ружье все-таки застает врасплох и выстреливает в самом конце. В первых главах романа писатель не только о ружье напоминает, но и под обстрелом Кабульского аэропорта успеваешь сказать, что это гранатомет. Затем ружье, а точнее — винтовка, появляется невинно сорвавшейся с уст Жаркова угрозой компании алкашей, и делает свое дело — разгоняет «генофонд нации». Оно заочно мелькает в сроке, который мотает за торговлю оружием двадцатилетняя поросль отечества».

(Окончание на стр. 8)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

(Окончание. Начало на стр. 7)

Оно вырастает до размеров символа, когда приравнивается к Слову, и афористически зависает в камере, где мотаются сроки: русские палиндромы бывают разные... Степанов даже позволяет ему выстрелить буквально, когда выясняют отношения сильные мира сего. Но выстрел происходит как-то беззвучно, точно в немом кино: «Он приехал к себе на дачу – киллеры уже поджидали. Выстрелили. Петушков побегал, попытался спрятаться за деревьями. Но пули его настигли. Убили и водителя». Но по настоящему, как и положено, оно выстреливает в самом конце романа в образе Шульца, благодаря метаморфозе, которая произошла в его судьбе.

Образом Шульца напрямую связаны темы веры и выбора. Причем, для героя романа тема веры развитие получает благодаря законам обратной перспективы. Достаточно вспомнить внутренний монолог Жаркова-менеджера компании «Страхуй», о смысле жизни, чтобы точнее определить точку возврата романа, прохождение которой принципиально как для героя романа, так и для его автора:

«Я сидел за письменным столом и размышлял. Что мы имеем на входе? Жизнь. Что мы имеем на выходе? Смерть. А в промежутке? Вот эту грязную, вонючую борьбу за существование, за выживание. Но ведь все равно не выживешь, и рано или поздно придется надевать деревянные костюмы. Так что же я сучусь, мельтешу? приспосабливаюсь к разным ничтожествам и карьеристам? Но как быть иначе?».

Эмиграция могла стать ответом на эти вопросы, каковым и была для многих, кого мы привычно нумеруем волнами русского зарубежья, если бы не одно обстоятельство. Сюжетная линия романа и сюжетная линия невидимой, внутри романной, книги Евгения Степанова неожиданно пересекаются. Точка их пересечения совпадает с исповедью Жаркова отцу Виталию в одном из берлинских православных храмов. Интересен этот момент не только сюжетным подарком читателю – в священнике герой узнает своего бывшего коллегу по работе и грехам, но и тем, что является местом встречи писателя со своим героем.

До этой точки, некой точки возврата, они шли навстречу друг другу. Пользуясь любой сюжетной возможностью, писатель, глава за главой, все больше открывал своего героя. Полнее всего это удавалось, когда речь заходила о литературе (и семье). Надо сказать, что и здесь Е. Степанов постепенно подводит героя к исповеди, начиная с азов. Почти школярски Жарков впервые экзамен на свою веру сдает в психиатрической больнице. Ведение дневника под фикусом, подобно медитативной технике фикусного просветления, Е. Степанов увенчал кратеньким диалогом героя с невропатологом. Так ваканье о «моем понимании литературы», созвучно рядовой теме школьного сочинения, спасет Жаркова от диагноза «шизофреник» и ускорит выписку из больницы. Диалог с профессором на выпускном государственном экзамене ВНИ (Высшего Номенклатурного Института) по основам политической экономии не только «отличит» героя в глазах читателя, сделает его самостоятельной, но и даст свободу выбора:

– Вы верите в Бога?

Я ответил:

– Да.

Профессор захотел уточнить:

– Бог – это любовь?

Я сказал:

– Бог – это поэзия.

Искушая Жаркова трудом на информационно-развлекательной ниве: от бесконечных, изматывающих душу звездных интервью для газет, плановых музейных

отчетов, программного вокала туристического бизнеса, до накопительных операций в банке образования, обусловленных аспирантскими экзерсисами во благо диссертационного фуэте, а также пиарной инкрустации воздушного пространства всевозможными новинками (отстойной) действительности размером «призма-вижн», – писатель словно испытывает своего героя, чтобы, при случае, рассчитывать на него. И случай такой приходится на берлинскую исповедь, после которой Жарков будет принимать решение самостоятельно и сделает свой выбор. Но до этого момента ему еще предстоит несколько задушевных бесед. И здесь Евгению Степанову удастся всерьез разговорить своего героя.

Несколько бесед, в карамазовском духе, о зловещей логике устройства этого мира. Одна происходит в купе поезда и касается вопроса зарабатывания денег у нас и зарубежом, – задана в ключе «кому на Руси жить хорошо» и выдержана в лучших традициях отечественного коротания попутной дороги: «В общем, дискутировали мы долго и бесполезно, ни до чего, конечно, не договорились, но хоть морду друг другу не набили и дорогу скоротали. И то дело». Эта беседа проясняет отношение героя к труду. Жарков на провокационные вопросы попутчика о равноправном богатении нации отвечает словами Святослава Фёдорова, что зарплата, подобно наркотику, превращающему человека в животное. Жаркову зарплата напоминает «гулаговскую» пайку, позволяющую не протянуть ноги от голода. По его мнению, деньги нужно зарабатывать головой, руками, как всю жизнь купцы зарабатывали; как сейчас некоторые пытаются заработать.

Вторая беседа прикомандирована автором к черноморской набережной, где и разговаривается легче, и примирительней постигается «мировая чепуха»: от наведения порядка в стране, законах иерархического выживания, до метафизических открытий, подобно крепко забытым народным ноу-хау – где родился, там и пригодился... Этот анаповский глоток чистого воздуха вернет Жаркову ощущение защищенности и человеческого, братского, родства:

«Мы еще долго болтали с Серезжкой на всевозможные темы, путано и бессистемно, точно впервые дорвавшись до невероятной радости человеческого общения, и незаметно пришли домой».

Третья беседа, как и водится, в кабаке, точнее в суши-баре, еще привлекает Жаркова к темам политики, литературно-шоу бизнеса, литературы, но и позволяет преодолеть границу собственного мировоззрения: Бог – это поэзия, – открывая возможность настоящего творческого действия. На вопрос приятеля, что же для него значит литература, Жарков отвечает, точно отламывает хлеб насущный: «Литература – это воскрешение. Людей, событий, городов и стран. Это единственный способ бессмертия». После этого разговора он еще раз отвлечется на литературную дискуссию. Это вполне могло бы сойти за филологический рефлекс, если бы речь не зашла об уточнении поэтом Пересветовым грамматических характеристик слова «Мессия». Объясняя страхуевскому пииту нехитрые законы общечеловеческого языка, Жарков, словно всматривается в себя, того учителя словесности, рассказывающего сиротской нижнепаспасской шпане о палиндромах и вечном, чему учит непреходящая жизнь Слова. Этот эпизод и подводит Жаркова к тем размышлениям о жизни, борьбе за существование и поиску выхода из логического тупика...

Теперь и эмиграция героя с семьей, и его исповедь в берлинском храме кажутся единственным верным решением судьбы, Провидением. И здесь уместно отметить запоминающийся ход Евгения

Степанова. Когда у героя все складывается и наводится шарлоттенбургский порядок, как внешний, так и внутренний, писателю удается сделать по отношению к нему почти гоголевский жест: а поворотись-ка ты, сынок... Надо сказать, что по природному своему, писательскому складу, Евгений Степанов ближе к той линии в русской литературе, которую принято связывать с именами Гоголя, Толстого, Бунина, Иванова, и той писательской установке «Не могу молчать», взвалив бремя которой, писатель перестает быть только писателем, поэтом, издателем, изобретателем, человеком...

Встреча героя и автора романа, обозначена нами, как точка возврата. В романе это исповедь Жаркова. А по сути – прохождение Евгением Степановым сквозь героя, как сквозь свое отражение, разрушающее законы перспективы и магию зазеркалья. И этим всем читатель обязан – шарлоттенбургским кабанам. Писатель не только позволяет своему герою удачно устроиться в месте почти мифическом – русском зарубежье, но и вполне действительно – спокойном и зеленом берлинском районе Шарлоттенбург-Норд, а также в полной мере – ощутить свою семью, как неповторимую и единственную цивилизацию, но и устраивает встречу с самим собой, тем кусочком мальчиком, прошедшем все испытания времени и сумевшим, как в детстве, приоткрыть дверь в дом (теперь и берлинский) и впустить могучий и стойкий, как световой луч, ствол яблони-китайки... Для чего? Может быть, для того, чтобы Жарков почувствовал себя, наконец, защищенным. Или для того, чтобы он, наконец, вернулся домой, стал самим собой?

Описание парка, кормление кабанов, это нехитрое постоянное занятие, которому придается герой Евгения Степанова, сопряжено и передается читателю ощущением огромной радости, душевного уюта, родства: «Вообще, я теперь точно знаю, кто хорошо относится к людям. К людям хорошо относятся берлинские кабаны, которые живут в шарлоттенбургском парке за невысокой оградкой. Как только кабаны видят людей, они подбегают со всех ног (копыт) к ограде и ждут провианта. Люди дают им разные отходы со стола, а также длинные макароны. Макароны пользуются особым успехом. Кабаны радостно и прелестно хрюкают, толкаются, рычат, как люди, от удовольствия. Кабанов очень много – как-то раз я насчитал в парке порядка пятидесяти (!) лесных свинок (это вместе с маленькими поросятами). Гулять в парке – огромная радость. Кабаны – мои лучшие друзья. Наташа даже говорит, что внешне мы похожи. Я думаю, и внутренне тоже. Я тоже люблю макароны».

Тепло, уютно, немного по-детски, как письмо домой, чтобы поделиться с родными кусочком счастья, чтобы хоть на немного отсрочить неумолимый и трезвый (и вечный!) эмигрантский разговор о возвращении. Зачем понадобилось Евгению Степанову затевать этот разговор в самый разгар берлинского благолепия? Возможно, чтобы Жарков сумел у священника Виталия спросить сразу о главном:

«Всю жизнь меня мучает один вопрос: если Бог всевидящий и всемогущ, то почему он допускает столько страданий в мире, столько горя?».

И, безусловно, для того, чтобы незадолго до звонка Аметистова, бывшего генерального директора компании «Страхуй», – защитить героя, как самое себя, ответом отца Виталия на свой вопрос: «Бог горя не приносит. Страдания люди причиняют себе сами. Друг другу. Но Бог не желает ни в чем ограничить свободу человека. У всех нас есть выбор, с кем быть: с Добром или со Злом. Свобода – главная благодетель. Ее Господь не отнять, не ограничить не может».

Не удивительно, что писатель предлагает сделать свой выбор Жаркову, принимающему утренний душ. Сколько

понадобится времени голому человеку под струями, вероятнее всего, прохладной воды, чтобы принять правильное решение? Секунды, отделяющие его от светового луча яблони-китайки. Часы, отделяющие от исповеди, и сутки, отделяющие от осознания, что русский человек вне своего места обречен на протирание штанов.

Нельзя не отметить степановскую склонность к легкому игровому финалу, путем эвристического постижения законов нашего языка. Вовремя, по-домашнему, помянутый Жарковым фразеологизм: штаны протираю, – воскрешает в памяти ремизовское изобретение ходиков Льва Шестова. Там Алексей Михайлович мастерски, не произнося, правда, обыгрывает устойчивое сочетание, достигнутое стаптыванием башмаков. Изобретение льявастовских ходиков – не что иное, как игровое описание постоянных прогулок по Булонскому лесу русского философа. Там, в ремизовских часах, была такая проволока, которую он на время прогулок, надевал на ногу русскому философу. Пока Шестов прогуливался по лесу, часы шли, а как возвращался, то снимал с ноги петьлику, и время останавливалось... Говорил, что очень полезное это занятие, и рекомендовал всем его для здоровья.

Сопоставляя эти изобретения, ремизовское из «Шиша елового» и степановское, кормление кабанов, из «Застоя. Перестройки. Отстоя», не перестаешь удивляться метаморфозам языка. Из фразеологических анонимов стаптывать башмаки и просиживать штаны, они превращаются в синонимы, рождаются, стоит лишь писателю правильно распорядиться своим временем и сделать свой выбор. Потому что, когда человек по-настоящему

дома и занят своим делом, время не властно над ним. Оно замирает, как бунинский полдень, высвечивая, осмысливая, постигая и оправдывая все, до последней пылинки этого мира. Не случаен поэтому выбор Евгения Степанова обложки для романа «Застой. Перестройка. Отстой». Это символическое соединение на фотографии обшарпанной стены (жилого ли?) дома, с проемом окна и часами, на квадратном циферблате которых застыло наше земное время. Мы дома?

Оглядываясь на роман Евгения Степанова, как на событие в нашей литературе, еще раз прокручиваясь события, которые цепляют в памяти его название: «Застой. Перестройка. Отстой». И отвечая себе на вопрос «С нами ли это было?», понимаешь, что Евгению Степанову удалось не только написать хороший роман, но сделать нечто большее – задать свой вопрос: За что? И, думается, он сродни тем вопросам, которые наша литература обнаруживала, дабы помочь человеческой душе устоять. Что делать? Кто виноват? Куда несешься?..

И тут же, строчками из степановского «Портрета», ответить себе:

а с собою не взять ни рубля ни деркама непонятно – и видимо в сторону храма Потому что если не попытаться ответить сразу себе на вопрос: «Господи, за что это нам все – застой, перестройка, отстой?», то это неминуемо сделает, просвечивающая сквозь три эпохи советской действительности «потаенная улыбка Степанова»: «За что? За что? – За палиндромы!». А русские палиндромы, как мы знаем, бывают разные...

Ольга СИМОНЕНКО-БОЛЬШАГИНА

Газета Союза литераторов России
(www.moljane.narod.ru) и Холдинговой
компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Сайт: www.litiz.ru

Редакционный совет

**Сергей Бирюков, Нина Давыдова, Константин Кедров,
Арсен Мелитонян, Наталья Рожкова, Евгений
Степанов, Дмитрий Цесельчук**

Председатель редакционного совета

Евгений Степанов

Главный редактор

Фёдор Мальцев

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Андрей Коровин (литературные события)

Наталья Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Аяна Сергеева

Представитель в Белгородской области

Сергей Галиченко

Верстка

Сергей Киулин

Отдел рекламы и связей с общественностью

Андрей Глазов

Интернет-версия

Максим Жуков,

Николай Баринов

**Газета отпечатана в ОАО «Губкинская типография»,
тираж 1000 экз.**